

СУББОТНЯЯ

ВСТРЕЧА

Слава Золотухина уже много лет имеет привкус скандальности. Наверное, с того момента, когда в 1988 году к 50-летию Владимира Высоцкого на экраны вышел фильм Эльдара Рязанова, где Валерий рассказал, как режиссер Таганки Юрий Любимов пытался дисциплинировать всенародного любимца тем, что предложил его роль — роль Гамлета — его лучшему другу Золотухину. Затем были обнародованы дневники. В начале девяностых — та их часть, которая посвящена опять же Высоцкому, — «Все в жертву памяти твоей». Потом — «На плахе Таганки». И, наконец, двухтомный роман «Таганский дневник». Книги были встречены, мягко говоря, неоднозначно. Мало кто поддержал, но среди них, например, была Людмила Абрамова, жена Высоцкого — мать его сыновей. Большинство же осудило: издание дневников — дело посмертное. Остроты в ситуацию добавляли и его любовные похождения, и уже много лет пишущийся роман «21-й километр»...

за страховку сдал — «ночевать не останусь, некогда, съемки ночные» — и к Алексахину в сад-огород, под яблони, вишни и черноплодную рябину».

Фрагмент романа «21-й километр»

— Почему 21-й километр?

— Это простая история. На 21-м километре Ярославского шоссе — я так придумал — мой герой объясняется героине в любви. На 21-м километре у столба герой закопал фотографии...

— Кстати, дневники вам приходилось прятать. Вы их не пытались закапывать?

— Я их не пытался закапывать, я их пытался увозить в Сибирь. У меня был один в жизни ужас, который я и сейчас вспоминаю просто с содроганием. Однажды на гастролях у меня дневник закончился, и я положил его и стал записывать другой. Короче говоря, я его оставил, потерял. Каждый дневник средней продолжительности — месяца три-четыре. Туда вкладывается все: это информация не сегодняшнего нашего разговора, а воспоминания, какие-то размышления... А тогда еще была советская власть, то есть он мог быть предметом доноса.

Полгода не знал куда деваться. И вдруг мне присылают его из Свердловска с таким сопроводительным текстом: «Не пишите никогда дневники. Никогда, тем более, не публикуйте».

Но он его опубликовал. Обнародовал все свои метания, пьянство, победы и промахи, уход первой жены, актрисы «Таганки» Нины Шацкой, вместе с сыном (от Золотухина) Денисом к Леониду Филатову, свою не всегда ладно складывающуюся жизнь с нынешней женой Тамарой, полувынужденную-полудобровольную эмиграцию Юрия Любимова, приход в театр Анатолия Эфроса и его смерть, а потом и «период полураспада» знаменитого театра.

— В «Таганском дневнике» есть линии, которые перекрещиваются, но каждая имеет начало и конец. А, скажем, если говорить о вашей личной жизни, то вы подробно рассказываете о своих женах Нине Шацкой и Тамаре Владимировне, а нет момента, когда вы с последней познакомились.

— Шли съемки фильма «Единственная», где Тамара работала у Хейфеца помощником режиссера. 74-й год. У Булгакова есть фраза — «Поразила одиночеством». Вот одиночество в глазах Тамары меня чрезвычайно поразило. Она была красивая, молодая, замужем, у нее был маленький ребенок. В нашей профессии, актерской, светливой, постоянно заглядываешь начальнику в глаза — понравился ты, не понравился. А в Тамаре совершенно этого не было.

С Ниной намечался уже разрыв, семья была уже расшатана — моим пьянством, моими романами. И вообще жизнь катилась куда-то не туда. Мы познакомились с Тамарой. Театральная гостиница. Запорожье. Я слышу скрипку. Второй этаж. Я постучался и остался. Она играла на скрипке.

И... завертелся этот роман. Она привезла сюда и т.д., и т.п. Она сделала 4 или 5 аборт. И я уже уходил от Шацкой, понимая, что женюсь на Тамаре. Я приехал в субботу в Ленинград, милиция не работала, документы нельзя было сделать. А у меня был один день. Я взял два литра коньяка, принес в милицию. Надо было выписать ее из Ленинграда. А она была беременная уже. Родился сын Сережа.

— Чем он сейчас занимается?

— Пока ничем. Отучился три курса в музыкальном училище, на ударника, потом вдруг все бросил. Подавал надежды. И ансамбли были у него, и занимался он по 9 часов кряду. Но потом вдруг: это не мое. Сейчас думает, как быть дальше.

— А Денис?

— После третьего курса ВГИКа, режиссерского факультета, он ушел в семинарию. Позвонив мне и попросив благословения — по нашим православным канонам только отец может дать благословение. Но он не доучился в семинарии, а доучивается только сейчас (родив четырех детей), учит латынь, греческий, заочно доучивается.

— Вы не договорили о Тамаре Владимировне. Ей, наверное, тяжело с вами?

— Наверное. Но это и есть один из подводных камней — когда не все на продажу. Внешне, по дневникам, — все на продажу. Но есть купюры, есть ненаписанное. А есть написанное, но спрятанное даже от нее. Это имеет весьма и весьма драматическую окраску, потому что роман с Ирбис продолжался долго — это есть десятилетняя история.

— Сейчас вы с Ирбис не встречаетесь?

— Нет, но роман-то пишется...
— Вот вы как-то упомянули, что жизнь — цепь случайных поступков. Но я думаю, мы просто не знаем закономерности.

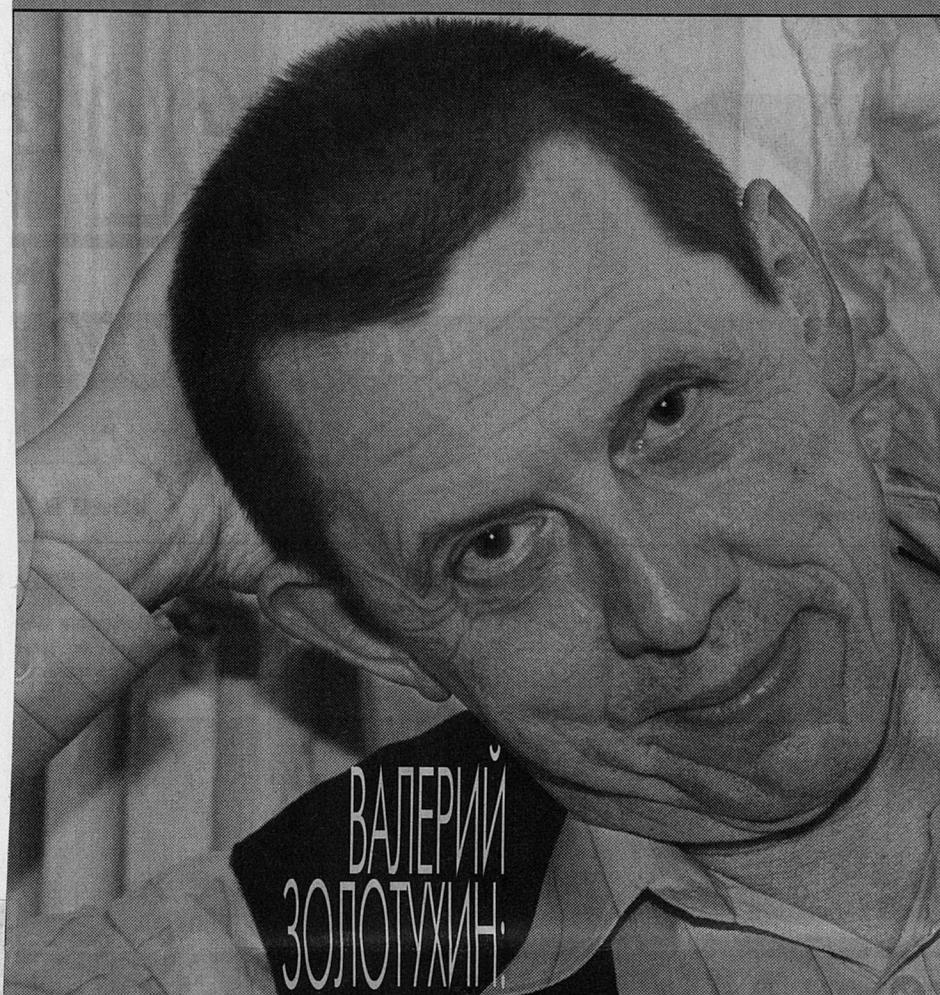
— Ну да. Я вам рассказывал случай с артистами цирка. Брат как-то тут отдал мне медячку, слепок руки. Когда я был маленький, у нас ночевала какая-то девушка, которая училась в театральном училище. Она спала на моей койке. И, когда она уехала, мама нашла под подушкой эту руку, покрытую «золотом», и не знала, что с ней делать. Девушка так и не приехала. И мама спрятала вещь на чердаке. За 40—50 лет в камень превратилась крыша. И когда наш дом выкупили под музей, стали чинить крышу, нашли слепок, но разбили его подставку. То, что осталось, передали брату. Я пошел слепок на Арбат, в антикварный магазин. Мне говорят — это Сары Бернар рука. Таких в начале века было сделано много. Я спал на руке Сары Бернар! Это что такое? Ну что это?!

— Последний вопрос, Валерий Сергеевич. По одной из версий, вы, возможно, потомок рода Лермонтовых. Михаил Юрьевич родился в четырнадцатом, погиб в сорок первом. Вы родились в 1941-м. В дневниках вы как бы обозначили уже дату своей смерти — 2014 год. Вы к этому серьезно относитесь?

— Сейчас — да. Заратустра говорил: надо уйти вовремя, когда ты кажешься особенно вкусным. Но человеку неизвестно, когда он уйдет и когда он вкусный. И все же к цифрам этим я отношусь достаточно серьезно.

— Долгих вам лет, Валерий Сергеевич!

Сергей ХУММЕДОВ.

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН

ГЕННАДИЙ ЧЕРКАСОВ

Я СПАЛ НА РУКЕ

Сары Бернар

На Исток-речушку...

— Валерий Сергеевич, давайте начнем с дневника. Как вы вообще пришли к мысли записывать свои ощущения?

— Это я очень хорошо помню. Мне было 17 лет. Я уже поступил в институт. Жил в старой общаге на Трифоновке — это знаменитое общежитие (пленные немцы строили эти бараки в 58-м, которые потом оборудовали для студентов театральных вузов). Я уже был зачислен, на Алтай на лето ехать было далеко. Была какая-то студенческая вечеринка, на которой был очень хороший актер (я сейчас не помню, как его звали, но его прозвище было Старик) с курса Саши Демьяненко. Он со мной много разговаривал, наставлял меня в смысле будущей учебы в театральном институте. От него-то я и услышал фразу: «Записывай все. Наблюдаешь — записывай.» Я это очень хорошо помню. 1 сентября 1958 года я сделал свою первую запись — о том, кто вместе со мной поступил на факультет. Потом и руководитель курса Баратов Леонид Васильевич говорил нам: «Записывайте наблюдения. Потому что актеру — «доброму вору все в пору» — пригодится. Записывайте все: погоду, характеры и привычки ваших товарищей». В этом, наверное, была игра своеобразная. Я писал, для того чтобы набить руку. Потому записи в институте стали носить характер уже не дневниковый, а больше художественный.

— Со временем вам пришла мысль, что вы пишете не только для себя?

— Это пришло после смерти Высоцкого. Смерть Высоцкого и, более того, фильм Рязанова, где я рассказал историю с Гамлетом, которая получила совершенно превратное толкование, — вот это меня заставило заглянуть в дневники и использовать их уже как документ — я искал в них защиту. Но если бы я предполагал, что где-то, когда-то это будет опубликовано, то, наверное, я бы писал подробно и по-другому. Я хотя бы рассчитал, что интересно будет народу. А меня это не интересовало. Меня интересовало состояние моей собаки, тещи, жены.

— Тогда я не понимаю, почему это роман, если это дневник. В романе есть определенный сюжет, который раскручивается, кульминация, финал... Почему роман?

— Вы сужаете границы сюжетного романа. Я пытался вести дневник. Толстой или Достоевский сказал, что жизнь художника есть законченное художественное произведение. И я думаю: почему одна человеческая жизнь, если она зафиксирована подробно, не может называться романом? Когда в мыслях я сопоставлял дневниковую повесть о Высоцком с тем, что происходит в этой протяженности длиною почти в 40 лет, мне показалось закономерным назвать это романом, ну дневниковый роман.

Сначала он назывался «Таганский тупик». Но «тупик» мне показался совершенно неоправданным, неверным. Одна журналистка спросила у меня: «Вы в тупике или театр в тупике?» Я говорю: «Да Нижнетаганский тупик, с которого вы заходили!». А потом подумал, что этой двусмысленностью обижу прежде всего свой театр, Любимова.

— Вам тяжело перед чистым листом, вам приходится заставлять себя писать и написать или это делается по наитию, без усилий?

— Никакой подготовки, есть просто потребность после определенных привычных ритуальных занятий поутру сесть и записать. Зарядка, душ, молитва, стояние на голове, понятно.

— Каждый день?

— Каждый день.

— Говорят, вы взвешиваетесь по утрам?

— Обязательно. За 38 лет работы в театре мой вес держится 64—66, в этом промежутке. Когда гастроли, болезни, могут быть какие-то колебания. Вот ремень — и есть свое какое-то усредненное ощущение себя. Вы же не скажете, что я истощенный или худой.

— А на гастролях?

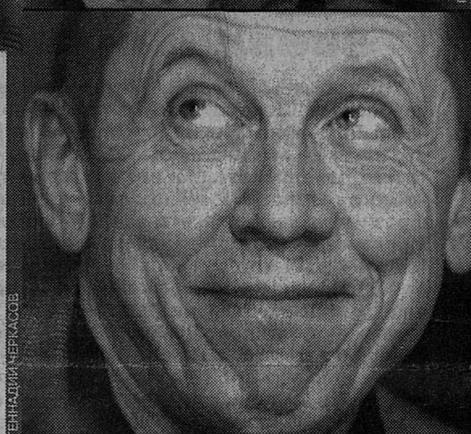
— То же самое. В Японии был маленький гостиничный номер, но все так удобно сделано: плитка, стол письменный. Все вмонтировано в стол: чайник, раковина, душевая кабина. Все сжато до предела. Но даже там ты умудряешься встать на голову и постоять. Возможность всегда можно найти. Если не находишь, то можно всегда перед спектаклем размяться.

— У вас есть своя система разминки?

— Есть. Определенные упражнения. На гибкость, силовые упражнения. Когда-то по утрам было обязательным приседание, потому что у меня же был туберкулез кости, и до 8—9-го класса я ходил на костылях. В 10-м классе в новогодний вечер, встречали мы 58-й год, мне надо было сплести «Яблочко». А нога у меня гнилась на 70 градусов. Мне надо было присесть, вскочить, и это было очень тяжело. Но в результате я сплел «Яблочко» впридачу.

— Вы производите впечатление человека, который сам сделал свою судьбу. Вы достаточно пережили в детстве, но тем не менее поехали в Москву, поступили в театральный институт при конкурсе в сотню человек, попали в театр, который стал вскоре самым известным и который в чем-то определил целую эпоху. Это все было предопределено?

— Случай играет колоссальную роль. Приезжает цирк на колесах, московские артисты. Был такой номер в программе — иллюзионист пек печенье, а клоун его пародировал: дескать, он печет печенье, я сейчас тоже это сделаю, только у кого-то из зрителей попрошу головной убор. Ему «подсадная утка» должна была дать кепку, он начинал туда бить яйца, сыпать опилки. Кепку, конечно, он подменял. Но «подсадок» должен был нервничать, возмущаться. Руководителю группы Полозову ука-

ГЕННАДИЙ ЧЕРКАСОВ

ГЕННАДИЙ ЧЕРКАСОВ

Актер и писатель готов уйти из жизни в 2014 году

зали на меня. Сказали: мальчишка собирается в театральный институт, у нас в самостоятельности он самый главный. Я этот этюд сыграл так, как, может быть, никогда и не играл. Я плакал настоящими слезами, я так возмущился, что сбегались все артисты. Зал сотрясаясь от хохота... Ведь я еще говорил какие-то тексты при этом. И Полозов меня благословил: вы совершите преступление, если не станете драматическим артистом. И я стал готовиться в театральный институт.

Но Золотухин стал не просто пишущим актером, опубликовавшим в тогдашней сверхпопулярной «Юности» свою повесть «На Исток-речушку, к детству моему». После долгих мытарств его приняли в Союз писателей СССР. И были написаны еще «Дребезги». И не только! До сих пор его поклонники делятся на читателей и зрителей. А вот если говорить о поклонниках, то они имеют еще одну категорию: любовниц. Одна из них, чье имя по понятным причинам Золотухин назвать не может, стала одним из главных персонажей его последнего романа «21-й километр». Там она зовется Ирбис.

У меня был роман...

«...Красавицу свою — а по дороге он ей прозвище придумал, оклик сочинил, Ирбис назвал (ирбис — снежный барс, самый красивый зверь на свете, говорит энциклопедия, а мы говорим: в чужую жену черт ложку меда кладет), — красавицу свою Народный завез к Алексахину и посадил под яблоню. Хозяину сказал: «Стереги, как руно, пуще глазу». Сам тем временем быстро сбегал на свой участок, отвез тестю порцию портвейну, деньги теще